

к насмешке, сатирическому сравнению, сведению мысли противника к абсурду.

Возражая против употребления в русском стихе только женских рифм, он замечает: «Сей закон толь праведен и нашей версификации толь свойствен и природен, как ежели бы кто обеими ногами здоровому человеку всегда на одной скакать велел» (VII, 15).

Надо ли говорить, что такое остроумное, снижающее сравнение должно было действовать сильнее всяких логических доводов.

В замечаниях на диссертацию Г. Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского», осмеивая попытки Байера доказать скандинавское происхождение русских князей путем «перевертывания» их имен, Ломоносов пишет: «Ежели сии Бейеровы перевертки признать за доказательства, то и сие подобным образом заключить можно, что имя Байер происходит от российского бурлак... Мне кажется, что он немало походит на некоторого идольского жреца, который, окурив себя беленою и дурманом и скорым на одной ноге вертением, закрутив свою голову, дает сумнительные, темные, непонятные и совсем дикие ответы» (VI, 31).

По поводу предположения Миллера о происхождении Холмогор от скандинавского «Голмгардия» он замечает: «Ежели бы я хотел по примеру Бейерова — Миллерскому перебрасывать литеры, как зернь, то бы я право сказал шведам, что они свою столицу несправедливо Стокгольм называют, но должно им звать оную Стикольной, для того, что он так слывет у русских» (VI, 41).

С особой силой сатирический талант Ломоносова проявляется в тех сочинениях, где он говорит о ненавистных ему представителях церковной реакции. Тут он дает полную волю своим чувствам, отмечая все каноны литературной речи, сознательно в сатирических целях сочетая церковнославянскую лексику с грубым просторечием.

С каким саркастическим негодованием говорит он, например, в «Письме о сохранении и размножении российского народа» о противоестественном обычае насильственного пострижения в монахи вдовых молодых попов: «Смешная неосторожность! Не позволяется священнодействовать, женясь вторым браком законно, честно и благословенно, а в чернечестве блуднику, прелюбодее или еще и мужеложцу литургию служить и всякие тайны совершать дается воля... Взгляды, уборы, обходительства, роскоши и прочие поступки везде показывают, что монашество в молодости ничто иное есть, как черным платьем прикрытое блудодеяние и содомство, наносящее знатный ущерб размножению человеческого рода» (VI, 387).

Еще более язвительно и остроумно обличение Ломоносовым ханжеской сущности христианских постов.